

Расул Гамзатов

*С любовью
к женщине*

Расул Гамзатович Гамзатов

С любовью к женщине

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8683830

*Расул Гамзатов. С любовью к женщине: ИД «Эпоха»; Махачкала; 2013
ISBN 978-5-98390-137-7*

Аннотация

В сборник стихов народного поэта Дагестана Расула Гамзатова вошли стихотворения, рожденные высоким чувством любви к женщине.

Содержание

С женщиной наедине	7
«Три страстных желанья...»	9
Любимых женщин имена	11
«Скажи, каким огнем был рад...»	13
Пленительных женщин и храбрых мужчин...	15
«Хочу любовь провозгласить странною...»	16
Если в мире тысяча мужчин...	17
Будь вечностью	19
«Будь я проклят, все тебе к лицу...»	20
О любви («Опять пленен...»)	22
Открыл я книгу вековую	24
Не знала ты соперниц никогда...	27
«Кавказец из-за женщины красивой...»	28
«Любви заслуг не перечесать...»	30
Я свиданье женщине назначил	32
Песня («Исчезли солнечные дни...»)	34
«Изнывая в любовной тоске...»	36
Молитва любви	38
«— Скажи «люблю», — меня просили в Риме...»	40
«Захочет любовь, и в клубящейся мгле...»	41
«Чтобы рвануться в схватку, у мужчины...»	43
«В тебя я вновь влюблен и очарован...»	44
Отношение к женщине...	45

«Дождик за окном – о тебе я думаю...»	46
Патимат («Коль в джунгли...»)	47
«Я признаюсь: мне кажется порою...»	50
«В музейных залах – в Лувре и в Версале...»	51
«Бросает свет светильник мой чадающий...»	52
Брови	53
Разговор	56
Вечная молодость	57
Я тебя не забуду	59
Наши имена	60
Твое имя, твой огонь, твоя звезда	61
Патимат («Ты малюсенькой крошкой пришла...»)	62
Помнишь ли?	64
О нас и других	65
«Три раза падал и ломал я ноги...»	66
Стихи, написанные в новогоднюю ночь	67
«Шумные улицы онемели...»	69
«Прекраснейшие на земле глаза...»	72
Письмо («В краю высоком, полном света...»)	74
«За честь свою и совесть против зла...»	78
Зависть	80
В родных местах	83
О любви («Давай размахнемся, мечтая...»)	85
Постоянство («Мне было шестнадцать...»)	88
Прости	89

Расул Гамзатов

С любовью к женщине

- © Р. Гамзатов (наследники), 2013
- © А. Бинкевич, пер., 2013
- © Н. Гребнев, пер., (наследники), 2013
- © Л. Дымова, пер., 2013
- © В. Звягинцева, пер., 2013
- © Я. Козловский, пер., (наследники), 2013
- © Ю. Мориц, пер., 2013
- © Е. Николаевская, пер., (наследники), 2013
- © И. Озерова, пер., 2013
- © Р. Рождественский, пер., (наследники), 2013
- © И. Снегова, пер., 2013
- © В. Солоухин, пер., (наследники), 2013
- © С. Сущевский, пер., (наследники), 2013
- © Я. Хелемский, пер., (наследники), 2013
- © ИД «Эпоха», 2013

С женщиной наедине

Перевод Я. Козловского

Друзья, извините, я к вам не приду,
И вы не звоните ко мне.
Вечер сегодняшний я проведу
С женщиной наедине.

Мы будем вдвоем: только я и она,
Часов остановится ход.
Музыкой сделается тишина
И таинство обретет.

Похожие нравом своим на орду,
Дела, не врывайтесь ко мне.
Вечер сегодняшний я проведу
С женщиной наедине.

Пусть, словно за окнами поезда лес,
Закружится вновь голова.
И станут, как звезды на черни небес,
Земные мерцать слова.

Порву я билет на ночной самолет,
Торжественный зал подведу.
Сегодняшний вечер весь напролет

С женщиной я проведу.

«Три страстных желанья...»

Перевод Я. Козловского

Три страстных желанья – одно к одному —

Душа во мне пламенно будит...

Еще одну женщину я обниму,

А после – что будет, то будет.

Еще один рог за столом осушу,

За это сам бог не осудит.

Еще один стих о любви напишу,

А после – что будет, то будет.

Я женщину обнял, но словно она

Не та, что светила надежде.

И уксусом кажутся капли вина,

И стих не искрится, как прежде.

И пущенный кем-то обидный хабар

Над горной летит стороною

О том, что угас моей лихости жар

И конь захромал подо мною.

Себя отпевать я не дам никому,

Покуда, – пусть мир не забудет, —

Еще одну женщину не обниму,

А после – что будет, то будет.

Покуда еще один рог не допыю
И, каждое взвесив словечко,
Покуда стрелу не заставляю свою
Попасть в золотое колечко.

Я звезды зажгу у стиха в головах,
И время его не остудит.
И вы удивленно воскликнете: «Вах!...»
А после – что будет, то будет.

Любимых женщин имена

Перевод Я. Козловского

Встревожены земные шири,
Но знаю способ я один,
Как укротить в подлунном мире
Воинственность его мужчин.

Когда б мне власть была дана,
Вершинам всем, являя разум,
Я даровал бы в мире разом
Любимых женщин имена.

Чтоб опустились руки вдруг
Пред картою у бомбардира,
Пусть лучшей половины мира
Глаголют имена вокруг.

Когда б мне власть была дана,
Неся ответственность пред веком,
Я матерей бы имена
Присвоил пограничным рекам.

Еще дух рыцарства в чести,
И, может, власть его опеки
Переступить такие реки

Удержит воинов в пути.

В честь просветления очей,
Издав указ антивоенный,
Назвал бы звезды во Вселенной
Я именами дочерей.

И сразу бы на небе мира
Не стало б в далях грозových
Ни одного ориентира
Для самолетов боевых.

И, обрета покой, планета
Жила бы, радости полна...
Звучат всегда в душе поэта
Любимых женщин имена.

«Скажи, каким огнем был рад...»

Перевод Я. Козловского

«Скажи, каким огнем был рад
Гореть ты в молодости, брат?» —
«Любовью к женщине!»

«Каким, не избежав потерь,
Горишь огнем ты и теперь?» —
«Любовью к женщине!»

«Каким, ответь, желаешь впредь
Огнем пожизненно гореть?» —
«Любовью к женщине!»

«Чем дорожишь ты во сто крат
Превыше славы и наград?» —
«Любовью женщины!»

«Кем был низвергнут, как поток,
И вознесен ты, как клинок?» —
«Любовью женщины!»

«С кем вновь, как рок ни прекословь,
Разделишь не на срок любовь?» —
«С любовью женщины!»

«А с чем, безумный человек,
Тогда окончится твой век?» —
«С любовью женщины!»

Пленительных женщин и храбрых мужчин...

Перевод Я. Козловского

Наверное, поздно близ белых вершин
Явился я в мир, чьи распахнуты шири:
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Уже не пришлось мне застать в этом мире.

Я рано, наверно, над бездной годин
Под желтой луною седлал иноходца,
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Увидеть не мне, а другим доведется.

А может, мой предок – вожатый дружин
Завидует мне, что, далекий раздору,
Пленительных женщин и храбрых мужчин
Я больше встречаю, чем он в свою пору.

И, может, грядущего времени сын
Тому позавидует, что под луною
Знавал я немало друживших со мною
Пленительных женщин и храбрых мужчин.

**«Хочу любовь
провозгласить строною...»**
Перевод Н. Гребнева

Хочу любовь провозгласить строною,
Чтоб все там жили в мире и тепле,
Чтоб начинался гимн ее строкою:
«Любовь всего превыше на земле».

Чтоб гимн прекрасный люди пели стоя
И чтоб взлетала песня к небу, ввысь,
Чтоб на гербе страны Любви слились
В пожатии одна рука с другою.

Во флаг, который учредит страна,
Хочу, чтоб все цвета земли входили,
Чтоб радость в них была заключена,
Разлука, встреча, сила и бессилье.

Хочу, чтоб все людские племена
В стране Любви убежище просили.

Если в мире тысяча мужчин...

Перевод Я. Козловского

Если в мире тысяча мужчин
Снарядить к тебе готовы сватов,
Знай, что в этой тысяче мужчин
Нахожусь и я – Расул Гамзатов.

Если пленены тобой давно
Сто мужчин, чья кровь несется с гулом,
Разглядеть меж них не мудрено
Горца, нареченного Расулом.

Если десять влюблены в тебя
Истинных мужей, огня не спрятав,
Среди них, ликуя и скорбя,
Нахожусь и я – Расул Гамзатов.

Если без ума всего один
От тебя, не склонная к посулам,
Знай, что это – с облачных вершин
Горец, именуемый Расулом.

Если не влюблен в тебя никто
И грустней ты сумрачных закатов,
Значит, на базальтовом плато

Погребен в горах Расул Гамзатов.

Будь вечностью

Перевод Я. Козловского

Чтоб вечностью была ты под луною,
Могу легко мгновением я стать,
Но не кори меня моей виною —
Жизнь за тебя готов всегда отдать.

Клянусь: я обернулся б метеором,
Чтоб долго ты жила, горе под стать,
Но только не казни меня укором,
Жизнь за тебя всегда готов отдать.

Ты отпусти грехи мои все разом,
Зачем, как четки, их перебирать?
Под небом, схожим с дымчатым топазом,
Жизнь за тебя всегда готов отдать.

Не укоряй, не сыпь мне соль на рану,
Склонив колени, говорю опять:
— Будь вечностью, а я мгновеньем стану,
Жизнь за тебя всегда готов отдать!

«Будь я проклят, все тебе к лицу...»

Перевод Ю. Мориц

Будь я проклят, все тебе к лицу,
Все в руках твоих – сверканье, свет!
А я... с неба падаю, как снег,
А я... ливнем с неба вниз лечу.

Сколько раз держал я про запас
Камни твердых беспощадных слов!
Но слезинки из лукавых глаз —
И язык я проглотить готов!

Взмах ресниц ли, мраморная твердь
Век прикрытых – я иду ко дну,
В двух озерах сразу я тону,
Задышаюсь, рвется сердце... смерть!

Впереди слышны иль позади
Эти флейты сладостных шагов —
Все едино, я платить готов
Жизнью, дико бьющейся в груди!

Хочешь правду знать? Когда вот так
Близко-близко мы стоим с тобой,
Я готов – подай лишь тайный знак! —

Для твоих наивных тленных благ
Жертвовать нетленной судьбой.

Боже мой, да я горю огнем,
На меня напала слепота!
От ладони на плече моем —
Жгучий свет! Не я с тобой вдвоем —
Горная пылает высота!

Я погиб! Вселенная, прощай...
Женщина моя пришла за мной,
Чтоб водить меня из ада в рай,
Из земного края в неземной.

Знаю я, что женщина сильна
Уводить от жизни далеко.
Но меня, меня... она одна
Возвращает к жизни так легко!

О любви («Опять пленен...»)

Перевод Я. Козловского

Опять пленен...

Был мальчиком когда-то,
Пришла любовь и, розу оброня,
Открыла тайну своего адата
И сразу взрослым сделала меня.

По гребням лет не в образе богини,
А женщиной из плоти и огня
Она ко мне является поныне
И превращает в мальчика меня.

Застенчивость, бесстыдство в ней и трепет,
Вновь загораюсь я, и оттого
Воображенье преклоненно лепит
Из женщины подлунной – божество.

Любовь была опасностью чревата,
Как глупость командира, но не раз
Она являла мужество солдата,
Что безрассудный выполнил приказ.

Любовь всегда похожа на сражение,
В котором мы, казалось бы, судьбой

Уже обречены на поражение,
И вдруг – о чудо! – выиграли бой!

Она всегда похожа на сражение,
В которое уверовали, но
Нежданно прибывает донесенье,
Что начисто проиграно оно.

И хоть любовь не сторонилась боли,
Она порою, ран не бередя,
Была сладка, как сон под буркой в поле
Во время колыбельного дождя.

Я возраста достиг границы средней,
И, ни на что не закрывая глаз,
Пишу стихи, как будто в миг последний,
И так влюбляюсь, словно в первый раз.

Открыл я книгу вековую

Перевод Я. Козловского

Любви чреваты рубежи
Всем, от измены до коварства, —
Здесь гибли многие мужи,
Как на границе государства.

Печальной повести листы.
Открыл я книгу вековую:
Скажи мне, женщина, где ты
Была в минуту роковую?

Зачем в неведение спала,
Задув огонь оплившей свечки,
Когда два черные ствола
Нацелились у Черной речки?

Ты перед вечностью в долгу
За то, что с белыми крылами
Тогда не встала на снегу
Пред воронеными стволами.

Не ты ли в час, когда сожгла
Письмо, чей пепел сжала в горстке,
Спасти поручика могла

От глупой ссоры в Пятигорске.

И не взяла б под Машуком
Поэта ранняя могила,
Когда бы с вечера тайком
Его в объятья ты сманила.

Когда бы светом звездных глаз
Ты подсветила путь возврата,
В лесной трясине б не увяз
Горячий конь Хаджи-Мурата.

Невеста из аула Чох,
Тебя сумел я оправдать бы,
Когда б издать не просто вздох
Решилась бы во время свадьбы.

Зачем твой крик не прозвучал
И не узнали люди тут же,
Что яд подсыпан был в бокал
Эльдарилава из Ругуджа.

Верней, чем верный талисман,
Среди житейской круговерти
Спасай нас, женщина, от ран
И заблуждения, и смерти.

Но пусть, страдая и любя,
Лихой достойные кончины,

Готовы будут за тебя
Собой пожертвовать мужчины.

Не знала ты соперниц никогда...

Перевод Я. Козловского

Люблю я ночи черные, как порох,
Люблю гнездовье отчее – Цада.
Люблю всех женщин я, среди которых
Не знала ты соперниц никогда.

Люблю держать вершину на примете,
И меж границ небесных и земных
Поделены все женщины на свете
Мной на тебя и женщин остальных.

Люблю, когда в распахнутых просторах
Меня несут, мерцаая, поезда,
Люблю всех женщин я, среди которых
Не знала ты соперниц никогда.

Стою ли я на скальном парапете
Или плыву вдоль берегов чужих,
Поделены все женщины на свете
Мной на тебя и женщин остальных.

«Кавказец из-за женщины красивой...»

Перевод Я. Козловского

Кавказец из-за женщины красивой,
Как слышал я в ауле Игали,
В седло садился и, склонясь над гривой,
Слома башку скакал на край земли.

Случалось, государь властолюбивый
Вдруг потрясал стоустую молву,
Когда в мольбе пред женщиной красивой
Склонял, как раб, покорную главу.

И ты ответь, читатель мой правдивый,
В любви отвага – это ль не талант?
И ехал из-за женщины красивой
Стреляться, как на праздник, дуэлянт.

И молодой испанец под оливой
Сегодня возле дома одного
Поет в ночи о женщине красивой,
Как дед и прадед пели до него.

Зеленый луг. Река с прибрежной ивой,

Оплечьем блещут царственно шмели.
И космонавт о женщине красивой
Вздыхает вновь в космической дали.

И сам я, то несчастный, то счастливый,
Когда душа всеильна и слаба,
Пишу стихи о женщине красивой,
Как предопределила мне судьба.

Нет, в небесах решили не случайно,
Чтоб с женских лиц вовеки лился свет.
И для меня давно открылась тайна,
Что некрасивых женщин в мире нет.

«Любви заслуг не перечесть...»

Перевод Я. Козловского

Любви заслуг не перечесть,
Давай в ее земную честь
С тобой протянем руки
К друг другу возле звезд,
Над бездною разлуки
Построим в небе мост.

Давай любви почтим чутье,
И пусть предскажут в честь нее
Влюбленным гороскопы
Над каждой стороной,
Что будут век их тропы
Сходиться под луной.

Сойдется пусть тропа с тропой,
Давай мы в честь любви с тобой
И в наши будем лета
Достойны молодых,
Ромео и Джульетта
Не раз воскреснут в них.

Где рвется к берегу прибой,
Давай мы в честь любви с тобой

Такой раздуем пламень
Под облаком ночным,
Что воском станет камень,
А дикий барс – ручным.

Я свиданье женщине назначил

Перевод Я. Козловского

Не хочу, мятежный мой Кавказ,
Чтоб стрельбой меня ты озадачил,
Потому что нынче в звездный час
Я свиданье женщине назначил.

Не торгуй трехлетних жеребцов
Ты в аулах, между скал зажатых,
Верховых не шли ко мне гонцов
И на площадях уйми глашатаых.

Сделай милость, вздыбленный Кавказ,
Как быкам в обуглившейся сини,
Черным тучам ты отдай приказ,
Чтобы лбов не сталкивали ныне.

Я молю тебя: угомонись
И в лихом Гунибе, и в Хунзахе,
Перестань, засватывая высь,
На луну забрасывать папахи.

Бурной крови славя колотье,
Я назначил женщине свиданье,
Не пугай обвалами ее,

Прояви, Кавказ мой, понимание.

Я прошу тебя: повремени
Вскачь коней бросать, паля из ружей,
Амузгинской сталью не звени,
Не дыши с вершин каленой стужей.

Если б только ведал ты, какой
Я свиданье женщине назначил,
Может быть, ты собственной рукой
Многое во мне переиначил.

Старых ран, Кавказ, не береги
И не строй завалы на дороге.
Отмени на этот день дожди,
Отмени на эту ночь тревоги.

Не греми каспийскою волной,
Что приводит скалы в содроганье,
Потому что женщине одной
Я назначил в звездный час свиданье.

Песня («Исчезли солнечные дни...»)

Перевод Е. Николаевской

Исчезли солнечные дни,
И птицы улетели,
И вот одни проводим мы
Неделю за неделей.

Вдвоем с тобой, вдвоем с тобой
Остались ты да я...
Любимая, любимая,
Бесценная моя!

На косы вновь твои смотрю,
Не налюбуюсь за день...
Птиц улетевших белый пух
Пристал к отдельным прядям...

Пусть у меня на волосах
Лежит, не тая, снег...
Но ты, моя бесценная,
Как прежде, лучше всех.

Все краски внешние неся,

Вернутся снова птицы,
Но цвет волос, но цвет волос
С весной не возвратится.

И солнцу улыбнемся мы,
Печали не тая...
Любимая, любимая,
Бесценная моя.

«ИЗНЫВАЯ В ЛЮБОВНОЙ ТОСКЕ...»

Перевод Я. Козловского

Изнывая в любовной тоске,
Я, познав нетерпения муки,
Профиль твой на приморском песке
Рисовал, словно мальчик, в разлуке.

Под осколком скалы на скале
Возникал он в небесном чертоге.
И на мерзлом вагонном стекле,
Как резцом нанесенный в дороге.

Вот заветных стихов черновик,
Где легко под моею рукою,
Как созвучие, лик твой возник
По соседству с начальной строкою.

Взором мысленным изображал
Я на кубках черты твоей стати,
Как насечкою, ими венчал
Серебро боевой рукояти.

А в стихах рисовал я, любя,
Отвергая границы степенства,
В многих образах женских тебя...

Но достичь не сумел совершенства.

Молитва любви

Перевод Я. Козловского

Пускай любовь, небес касаясь,
Из женщин делает богинь.
Пускай горит огню на зависть
И сложит песню вновь.
Аминь!

Пусть, вознеся нас, заарканит
Она, как горная гряда.
Пусть взрослой в мыслях юность станет,
А старость в чувствах – молода.

Пускай роднит нас с небосклоном,
Но из заоблачных пустынь
К земным нас возвращает женам
В объятья райские.
Аминь!

Пускай любовь царит меж нами,
Храня от бед, как амулет.
Где есть она, – меж племенами
И меж людьми раздора нет.

Пусть сквозь сиреневую дымку

Прольется свет медовых дынь.
И пусть влюбленные в обнимку
Уединяются.
Аминь!

Пускай, как с первых дней ведется
И завещалось неспроста,
В любви мужчина не клянется, —
Клянутся лживые уста.

Пусть не считает ран сердечных
Любовь – владелица святынь,
Удерживая подопечных
В отставку выходить.
Аминь.

**«– Скажи «люблю», –
меня просили в Риме...»**

Перевод Л. Дымовой

– Скажи «люблю», – меня просили в Риме —
На языке народа своего. —
И я назвал твое простое имя,
И повторили все вокруг его.

– Как называют ту, что всех любимей?
Как по-аварски «жизнь» и «божество»? —
И я назвал твое простое имя,
И повторили все вокруг его.

Сказали мне: – Не может быть такого,
Чтоб было в языке одно лишь слово.
Ужель язык так необычен твой?

И я, уже не в силах спорить с ними,
Ответил, что одно простое имя
Мне заменяет весь язык родной.

**«Захочет любовь, и в
клубящейся мгле...»**
Перевод Я. Козловского

Захочет любовь, и в клубящейся мгле
Багряный цветок расцветет на скале,
И снег зажурчит на вершине.

Но в каменном сердце во все времена
Не в силах посеять она семена,
В нем терн прорастает поныне.

Смиряла любовь даже царственный гнев,
И кротким, как агнец, вдруг делался лев,
Лань рядом паслась, не робея.

Я видел воочию, как, зла не тая,
Под флейту факира танцует змея
На площади людной Бомбея.

И тихо любовь мне шепнула – «Умей
Ты действовать, как заклинатели змей»,
И грустный напомнила случай:

Одна балерина в недавнем году,

Что с флейтой волшебной была не в ладу,
Змеей обернулась гремучей.

Словами любви, это помнит весь свет,
Великий целитель и славный поэт,
Недуги лечил Авиценна.

Завидная участь, счастливый удел,
Такие б стихи написать я хотел,
Где слово – лекарству замена!

«Чтобы рвануться в схватку, у мужчины...»

Перевод Я. Козловского

Чтобы рвануться в схватку, у мужчины
Есть только две достойные причины.
И первая: родной страны защита,
Граница чья пред недругом закрыта.

Вторая – долг, что предками завещан,
Мужчинам всем повелевает он:
Собой рискуя, защищайте женщин,
Как на дуэлях пушкинских времен.

Чтоб песню спеть, от века у мужчины
Есть только две достойные причины.
И первая: любовь к земле родимой,
Которая вошла нам в плоть и в кровь
И сделалась звездой неугасимой.
Вторая – это к женщине любовь!

**«В тебя я вновь
влюблен и очарован...»**
Перевод Л. Дымовой

В тебя я вновь влюблен и очарован...
Такого не бывает – говоришь?
Но в каждый мой приезд волшебным, новым,
Загадочным мне кажется Париж.

Бывает так. Живешь, живешь на свете.
Идет весна – и словно в первый раз
Ты чувствуешь, как молод этот ветер
И нов капли сбивчивый рассказ.

Впервые я пишу стихотворенье —
Хотя пишу стихи давным-давно.
Пусть много было радостных волнений,
Но помню лишь последнее – одно.

Бывает так... Ни убыли, ни тленья
Не знает страсть, рождаясь вновь и вновь.
Ты – первое мое стихотворенье
И первая, бессмертная любовь.

Отношение к женщине...

Перевод Я. Козловского

Я спросил на вершине,
поросшей кизилом:
«Что мужского достоинства
служит мерилom?» —
«Отношение к женщине», —
молвило небо в ответ.

«Чем измерить, – спросил я
у древней былины, —
настоящее мужество в сердце мужчины?» —
«Отношением к женщине», —
мне отвечала она.

«Чем любовь измеряется
сердца мужского?» —
«Отношением к женщине...» —
«Нету мерилa такого», —
возразили служители мер и весов.

**«Дождик за окном
– о тебе я думаю...»**
Перевод В. Звягинцевой

П. Ю.

Дождик за окном – о тебе я думаю,
Снег в саду ночном – о тебе я думаю.
Ясно на заре – о тебе я думаю,
Лето на дворе – о тебе я думаю.
Птицы прилетят – о тебе я думаю,
Улетят назад – о тебе я думаю.
Зелены кусты, скрыты ли порошею, —
Ни о чем невмочь, – о тебе я думаю.
Уж, наверно, ты девушка хорошая,
Если день и ночь о тебе я думаю.

Патимат («Коль в джунгли...»)

Перевод Е. Николаевской

Коль в джунгли
Я буду заброшен судьбой
И будет дозволено
Взять мне с собой
Все то, что мне надобно,
Что захочу —
Твою фотографию
Я захвачу.
Как талисман,
Я буду хранить
И в дожди и в туман...

Не знаю,
Что леди своей, например,
Из джунглей
Шлет лондонский пэр или сэр,
Но я нанесу
Под таинственный свист
Сонеты Петрарки
На пальмовый лист,
Свои к ним прибавлю
В безмолвной мольбе —
Меня не забудь! —

И пошлю их тебе.

А если вдруг в космос
Запустят меня, —
И там не смогу
Без тебя я ни дня
Прожить! – я с собою
Возьму твой портрет,
И впрямь – без которого
Жизни мне нет...
Мои позывные
К тебе полетят
Из космоса вниз:
Патимат! Патимат!..

Пуškai на Гаити пошлют,
В Парагвай,
Везде оно будет со мной,
Так и знай, —
Заветное имя,
И в явь, и во сне,
На полюсе,
На океанской волне...
А будет мне тугο,
Тревожно, темно, —
От всяких недугов
Лекарство оно.

И только

На самом краю бытия
Признаюсь,
Что имя забыл твоё я
И облик твой тоже
Забыл – и конец!..
Так песню свою
Забывает певец.
И в мыслях своих
Не смогу допустить —
С собою в могилу
Любовь опустить...

**«Я признаюсь: мне
кажется порою...»
*Перевод Н. Гребнева***

Я признаюсь: мне кажется порою,
Как будто мы с тобой воскрешены
Из повестей старинных, где герои
Погибнуть от любви обречены.

Любовь своей затягивает сетью,
Она огнем того, кто любит, жжет.
Влюбленный лебедь долго не живет,
Живет лишь злобный ворон три столетья.

Стать старым лебедю не суждено,
Но он любя живет свой век недлинный,
И, заливаясь песней лебединой,
Он ворона счастливей все равно,
Хоть три столетья ворону дано
Жить в этом мире, тешась мертвечиной.

«В музейных залах – в Лувре и в Версале...»

Перевод Н. Гребнева

В музейных залах – в Лувре и в Версале,
Где я ходил, бывало, много дней,
Меня мадонны строгие смущали
С тобою странной схожестью своей.

И думал я: как чье-то вдохновенье,
Чужое представленье красоты
Могло предугадать твои черты
За столько лет до твоего рожденья?

Вдали от края нашего встречать
Красавиц доводилось мне немало,
Но в них твою угадывал я стать.
И я того не мог понять, бывало,
Как эти дочери чужой земли
Твою осанку перенять могли?

«Бросает свет светильник мой чадающий...»

Перевод Н. Гребнева

Бросает свет светильник мой чадающий.
Все в доме спит, лишь я один не сплю,
Я наклонился над тобою, спящей,
Чтоб вновь промолвить: «Я тебя люблю».

И горше были дни мои, и слаще,
Но, старше став, на том себя ловлю,
Что повторяю я теперь все чаще
Одно и то же: «Я тебя люблю!»

И я, порой неправдою грешащий,
Всего лишь об одном тебя молю:
Не думай, что настолько я пропащий,
Чтоб лгать признаньем: «Я тебя люблю!»

И мой единственный, мой настоящий
Стих только этот: «Я тебя люблю».

Брови

Перевод Р. Рождественского

Лба твоего просторная поляна,
А чуть пониже, около нее, —
Два озера, как будто два Севана.
Два озера – томление мое.

На берегах прекраснейших озер —
Мне каждое из них отдельно снится —
Лежат всю жизнь две черные лисицы,
Как будто яростный живой узор.

Хитрее нет их никого на свете.
Таких лисиц попробуй обмани.
Вот погляди: охотника заметив,
Убитыми прикинулись они.

Меня они игрой своей не тронут, —
Не зря озера страсть в себе таят!
Услышав музыку, лисицы вздрогнут,
Притворщицы не смогут устоять.

О, как они взмывают откровенно,
Лукавинкой зазывною дразня!
И как они изогнуты надменно,

Когда рассердишься ты на меня.

О, как они на ласку намекают,
Вздувая пламя у меня в груди!
А как порою предостерегают,
Безмолвно говоря: не подходи!

Я слышал много раз, что хитрость лисья
Известна миру с самых давних пор.
Но эти лисы – убедился лично —
Хитрее всех своих живых сестер.

Завидуют им все. И даже птицы
Небесные от зависти дрожат...
Две черные пушистые лисицы
Возле озер просторно возлежат.

Желанья их я выполняю мигом,
Слежу за ними, указаний жду.
Прикажут – и сражусь я с целым миром!
Прикажут – бездыханным упаду!..

Спасибо вам, лисицы, от меня
За то, что бережете вы озера.
За то, что вы не дремлете, храня
Их чистую незамутненность взора.

Спасибо вам за то, что в час, когда
К озерам тем я приходил напиться,

Вы тут же притворялись без труда,
Что вам прекрасно в это время спится.

Разговор

Перевод Р. Рождественского

– Скажи мне, перебрав свои года,
Какое время самым лучшим было?

– Счастливейшими были дни, когда
Моя любимая меня любила...

– А не было ль, скажи, такого дня,
Когда ты плакал, горя не скрывая?

– Любимая забыла про меня,
Тот день я самым черным называю...

– Но можно было вовсе не любить!
Жить без любви – и проще и спокойней!..

– Наверно, это проще. Может быть...
Но в жизни я такого дня не помню.

Вечная молодость

Перевод Р. Рождественского

Любви все возрасты покорны
А. Пушкин

Вот судьи выстроились в ряд,
Полгоризонта заслоня.
И гневом их глаза горят,
А все слова летят в меня:

«Юнец, не бривший бороды,
Щенок, не помнящий добра,
Ответь нам: правда ли, что ты
Был с женщиной в лесу вчера?..»

Я судьям отвечаю: «Да!
Я многое в лесу нашел,
Мальчишкою я шел туда.
Оттуда я мужчиной шел!..»

Вновь судьи выстроились в ряд,
Полгоризонта заслоня.
И гневом их глаза горят,
А все слова летят в меня:

«Забыв о седине своей
И прежние забыв грехи,
Шел с женщиною ты и ей
Шептал любовные стихи?..»

«Да! – отвечаю судьям я, —
Шел с женщиной. Шептал слова.
И верил, что судьба моя
Светла, пока любовь жива!..»

А судьи грозно хмурят взгляд,
И снова требуют они:
«Нам непонятно, – говорят, —
Нам непонятно. Объясни...»

Я говорю им: «Есть любовь,
И, ощутив ее венец,
Взрослеет запросто юнец,
А старец молодеет вновь.

Становится певцом немой,
Становится певец немым.
Любовь – всегдашний спутник мой.
Я буду вечно молодым!»

Я тебя не забуду

Перевод Р. Рождественского

По планете немало постраниствовал я,
Уходил в никуда, приходил ниоткуда...
Ты – мой посох в судьбе, ты – дорога моя.
Я тебя никогда и нигде не забуду.

Все, кого я встречал, оставались в душе.
Кто – на несколько лет, кто – всего на минуту...
Ты была в моем сердце с рожденья уже.
Я тебя никогда и нигде не забуду.

Много раз улыбались красавицы мне,
Были эти улыбки похожи на чудо...
Но в глазах твоих я утонул по весне.
Я тебя никогда и нигде не забуду.

Спел я множество песен в кругу земляков,
Слышал песни, подобные древнему гуду...
Только ты – будто лучшая песня веков.
Я тебя никогда и нигде не забуду.

Наши имена

Перевод Р. Рождественского

Всем имена при рождении дали,
Мы в чистоте сохранить их должны.
Имя твоё среди звезд отыскали,
Имя мое – на дорогах войны.

Дни уходили, куда – неизвестно.
И в подтвержденье, что время летит,
Скоро тебя называли невестой,
А про меня говорили: джигит!

Строки любви прошептал тебе я,
Люди поэтом называли за это.
Если поэт я – ты песня моя,
Та, что останется после поэта!

Вместе с тобою и вместе со мною
Мчались года, закусив удила.
Счастлив я тем, что однажды весною
Ты меня мужем своим назвала.

Твое имя, твой огонь, твоя звезда

Перевод Ю. Нейман

Прошла, разожгла очаг...
Были речи твои тихи.
Твое имя шепчу в ночах.
Без него замерзнут стихи.

Распахнула настежь окно.
Весь рассвет упал на меня.
Моим песням жить не дано
Без игры твоего огня.

Как богиня на корабле,
Кажешь путь через все года.
Захлебнется Кавказ во мгле,
Коль померкнет твоя звезда.

Что там бомба? Единого дня
Не протянет все естество
Без твоей звезды, без огня
И без имени твоего.

Патимат («Ты малюсенькой крошкой пришла...»)

Перевод Р. Рождественского.48

Ты малюсенькой крошкой пришла
В мир, который огромней громад.
Мать кормила тебя, берегла:
Патимат, Патимат, Патимат.

Над твоею кроваткою – сны.
В них ручьи молодые шумят.
И дрожит отраженье луны:
Патимат, Патимат, Патимат.

Мчатся годы своим чередом.
Две косички бедой мне грозят.
Я шепчу под знакомым окном:
«Патимат, Патимат, Патимат...»

Мне объездить весь мир довелось,
Тот, который и нищ, и богат,
А за мною, как эхо, неслоь:
Патимат, Патимат, Патимат...

Наши дочки, чисты, как родник,

На тебя восхищенно глядят.
Словно доброе солнце для них —
Патимат, Патимат, Патимат.

Красоте твоей радуюсь я
И твержу похвалы невпопад.
Ты судьба и молитва моя:
Патимат, Патимат, Патимат.

Помнишь ли?

Перевод Р. Рождественского

Я в восемнадцать лет в тебя влюбился
И твой отказ слышал, голову склоня.
Скажи мне: кто тогда любви твоей добился?
Незабываемая, помнишь ли меня?
Я бегал за тобой, я жил надеясь.
Не замечал я ночи и не ведал дня.
Послушай, девушка, скажи, куда ты делась?
Незабываемая, помнишь ли меня?
Женился я. И подрастают дети.
И у тебя свой дом, семья, родня.
Скажи, а помнишь ли тот юношеский ветер?
Незабываемая, помнишь ли меня?
Стареет память, отдыха не зная,
Года летят быстрее доброго коня.
О восемнадцатой весне я вспоминаю...
Незабываемая, помнишь ли меня?

О нас и других

Перевод Я. Козловского

Вблизи горы, лежащей как коврига,
Остался с книгой я наедине,
Но о тебе она и обо мне
Не ведала – пустая эта книга.

А мы с тобой похожи на других,
Нас в облаках одна несет квадрига.
И получалось так, что и о них
Не ведала пустая эта книга.

Остался с сердцем я наедине,
И рассказало с грустью и любовью
Оно и о тебе, и обо мне
Земную быль, написанную кровью.

Сочли б, услышав, тысячи других
Рассказ о нас, изложенный подробно,
Что сердце честно речь вело о них,
Нерукотворной повести подобно.

«Три раза падал и ломал я ноги...»

Перевод Н. Гребнева

Три раза падал и ломал я ноги:
Сперва ненастье подвело меня,
Потом – ухабы на моей дороге,
А в третий раз – горячий нрав коня.

Сперва был дождь и град, а после иней,
Потом был путь размыт, как на беду,
Потом, бог весть уж по какой причине,
Ты не пришла, а я все жду и жду!

И так всю жизнь надеюсь, жду напрасно,
И вот теперь, уже на склоне лет,
Дорога хороша, и небо ясно,
И конь мой смирен, а тебя все нет.

Стихи, написанные в новогоднюю ночь *Перевод Н. Гребнева*

Милая, прошу я вновь прощения,
Милости твоей опять я жду.
Отпусти, прости мне прегрешения,
Все, что совершил я в том году.

Ты прости за то, что не однажды я
Каялся и ты прощала мне.
Ты прости свою слезинку каждую,
Пролитую по моей вине.

Ты прости мне, что, когда в дороге я
С делом и без дела пропадал,
Ты считала дни и ночи многие,
Между тем как я их не считал.

Ты прости мне завязи бесплодные,
Все, что я не сделал в этот год.
Все мои дела неподотчетные,
Хоть за них придется дать отчет.

Слепоту прости, что помешала мне

Видеть то, что на тебя навлек,
Глухоту, из-за которой жалобы
Я не слышал, хоть услышать мог.

Ты за все, что пережито-прожито,
Как всегда, простишь, меня любя,
Да и укорить меня не сможешь ты
Строже, чем корю я сам себя.

Я не поступался даже малостью,
Обижал я тех, кого любил.
Я прошу: прости меня, пожалуйста,
С легкостью, с которой я грешил.

«Шумные улицы онемели...»

Перевод И. Озеровой

Шумные улицы онемели,
Когда ты уехала.
Бухты каспийские обмелели,
Когда ты уехала.
Комнаты в доме моем опустели,
Когда ты уехала.

Взял я пандур и пою,
Но не слышишь ты...
Грустную песню мою
Не услышишь ты.
Я ничего не таю,
Но не слышишь ты.

Начал курить я опять,
Потому что не видишь ты.
Чурки без дела строгать,
Потому что не видишь ты.
Девушек стал замечать,
Потому что не видишь ты.

Я приходил на вокзал,
Только ты не приехала...

Все поезда я встречал,
Только ты не приехала...
На поезда я ворчал,
Только ты не приехала...

Рвал я цветы от тоски
В ожидании
И обрывал лепестки
В ожидании...
Как все пути далеки
В ожидании!

Часто на почту хожу,
Но не пишешь ты.
Писем, хоть кратких, прошу,
Но не пишешь ты.
Сам себе письма пишу,
Раз не пишешь ты.

Кажется, счастье ушло,
Когда ты уехала.
Смотрит соседка в стекло —
Ты ведь уехала.
И усмехается зло:
Видишь — уехала!

Двери распахнуты в дом —
Когда же вернешься ты?..
Мимо соседки пройдем,

Как только вернешься ты!

К морю уйдем мы вдвоем...

Когда же вернешься ты?!

«Прекраснейшие на земле глаза...»

Перевод Е. Николаевской

Прекраснейшие на земле глаза,
Что плачете? Что приключилось с вами?
Что мучит вас, прекрасные глаза,
Наполненные крупными слезами?..

На той вершине ты стоишь сейчас,
Еще не знающая жизни толком,
Откуда, словно камень, сорвалась
Мечта моя – не соберешь осколков...

О, неужели, милая моя,
И у тебя болит и ноет сердце?
И ту же боль ты чувствуешь, что я,
Боль, от которой никуда не деться?

А может, мягкость сердца моего
Испытываешь ты и ждешь развязки?
Или смеешься – только и всего! —
Над ним, беднягой, тающим от ласки?

Не надо, дорогая, перестань,
Не целься! Сердце так легко ранимо!
Уж как живу – так жить меня оставь,

С моей свободой, с песнею любимой.

Письмо («В краю высоком, полном света...»)

Перевод Е. Николаевской

В краю веселом, полном света,
Мне все грустней день ото дня.
Что мне придумать, – посоветуй! —
Чтоб не забыла ты меня?

Чего прислать тебе? Не ты ли
Одна смогла бы научить:
Напевы горские? Цветы ли?
Или тропинки горной нить?

Цветы увянут. Песен горских
Не уловить, не взять рукой...
А бесполезной грусти горстка —
Подарок не ахти какой...

Я знаю, что несовместимы
Грусть и преддверье высоты...
Но грустно мне невыносимо
В кипенье этой красоты...

Как только с ветерком попутным

Всплывает солнце над тропой,
Птенцы кричат мне – «С добрым утром!»,
Взлетев над вымокшей травой.

С их гамом вместе на рассвете,
Перевалив через хребты,
Летит тоска моя, как ветер,
Прямым путем туда, где ты...

Я в настроении особом
Сбегаю к речке по песку.
С журчаньем волн, с моим ознобом
Несет вода мою тоску.

Прошу я солнце налитое:
Жги! Пусть сгорит моя тоска!..
Под солнцем мир как на ладони:
И ширь ясна, и даль близка.

Лучи – я вижу целый день их,
Они горят, как сотни свеч,
Сияют на рогах оленьих —
Моей тоски не могут сжечь!

Прошу: дождя!.. Толпятся тучи,
И начинается ливень лить.
Он оmyвает склоны, кручи —
Моей тоски не может смыть!

Свищу ветрам – как по приказу
Ко мне бегут ветров полки
И разгоняют тучи сразу,
Но им не разогнать тоски...

Одну мечту я, глядя с крыши,
Вынашиваю – о тебе,
У звезд, у тех, что прочих выше,
Выспрашиваю о тебе!

Но звезды шепчут, с неба свесясь:
«Ее не видели мы! Нет!»
Садится на окошко месяц —
И тот же слышу я ответ!

Я рву цветы, сойдя в долину, —
А ну их! Вянут в тот же миг!
Я лезу вверх к местам орлиным —
Но надоел мне птичий крик.

Летит сквозь ливни, словно птица,
Моя тоска, лучи дробя...
Заснуть бы мне, чтобы забыться!..
Но не могу. Я жду тебя.

Здесь все на радость, не на горе:
Травы и камня торжество,
Все птицы, все ручьи нагорья —
Не много ли на одного?

Смотреть с тобою вместе мне бы
На скалы, тропы, тополя.
Могу ли жить я, это небо
С тобой, далекой, не деля?

**«За честь свою и
совесть против зла...»**
Перевод Е. Николаевской

За честь свою и совесть против зла
Я совершаю с юных лет набег,
И газаватом для меня была
Любовь – и сердце ранено навеки.

Как остры стрелы!.. И, мюрид любви,
Я из груди выдергивал их сразу...
Но раны ноют, и душа в крови,
И нету мне в противниках отказа.

Всех метче стрелы близких мне людей:
Кому-кому, а им-то уж известно,
Как целиться, чтоб было поверней,
Где самое мое больное место.

Пускай стреляют... Разве есть певец,
Чье б сердце неизраненное было?
От неранимых ледяных сердец
Убереги нас, время, до могилы.

Играет в жилах кровь, и я пою,

Мне уходить на отдых рановато.
Лишь дайте знак – я за любовь свою
Умру в бою священном газавата.

Ты, песнь, что не ослепла от похвал,
Честь береги от волчьего соседства.
Я наконец-то ныне взрослым стал,
На склоне лет в Цада оставил детство.

Зависть

Перевод Е. Николаевской

1

Сегодня б друга, кажется, убил,
Которого и в мыслях не обидел,
Которого я всей душой любил,
Сегодня всей душой возненавидел!

Идет с ним рядом девушка одна:
Смотрю – сердцебиенье умиряю.
Идет и улыбается она —
Я от ее улыбки умираю...

2

Ни успех, ни молодость твоя
Зависти во мне не вызывали.
Никогда завистлив не был я,
Да и стану в будущем едва ли...

Но когда с подругою своей
В гости ты зашел ко мне сегодня,
Стал я сразу придираяться к ней,
Вмиг нашел в ней недостатков сотни.

Разъярился я, лишь увидал,
Что кладешь ты руки ей на плечи.
Как тебя жестоко осуждал
Я – совсем непрошенный советчик.

Сам же глаз всю ночь не мог сомкнуть,
С боку на бок все вертелся в муке:
Не давали мне всю ночь уснуть
Ваши неразомкнутые руки.

3

Ох, как умело ты с ней говоришь —
С той, на которую глянуть не смею.
Ох, как ты смело в лицо ей глядишь —
Той, повстречавшись с которой краснею.

Видел я: под руку вел ты ее,
Я и руки протянуть ей не смею.
Нежность тревожит – несчастье мое,
Зависть терзает меня все сильнее.

Хоть на тебя обижаюсь и злюсь, —
Друг, похвали меня девушке этой!
Строчку мою ей прочти наизусть:
Мол, не слыхала такого поэта?..
Как-нибудь, к случаю, наедине
Доброе слово шепни обо мне.

В родных местах

Перевод И. Снеговой

Тот ветхий домик, где ты родилась,
Мне ста дворцов дороже во сто раз.

Две груши, что шумят в твоём окне,
Как сад тенистый, тянутся ко мне.

На улочки кривые я смотрю,
На слезы скал, встречающих зарю.

Как ценности музейные, они
Овеществляют прожитые дни.

Тут босиком ты бегала, а там —
Кружилась, как ягненок, по лугам.

Цветы рвала здесь и купалась ты...
Я всматриваюсь... Кто там рвет цветы?

А вот твой класс, скопление парт пустых.
Где ты сидела? На какой из них?

Я у доски. Я мел в руке держу,
Как ты когда-то. Только не пишу.

Едва завидел школу я, тотчас
Мне показалось: вот тыходишь в класс,

Вот косы разметались по спине,
Вот галстук красный замелькал в окне.

И я стою, не в силах наглядеться
На милое твое живое детство.

О любви («Давай размахнемся, мечтая...»)

Перевод И. Снеговой

Давай размахнемся, мечтая,
С тобой и, была не была,
К себе призовем, дорогая,
Из горного края орла.
Любви нашей ношу навьючим
И будем в надзвездье парить,
И сильную птицу научим
О нашей любви говорить,
Чтоб реки рассказу внимали
И в ближнем, и в дальнем краю,
Чтоб всюду они понимали
Земную улыбку твою...
Летим!... Если шаль твою ветер
Сорвет вдруг – я силой верну,
А дождь загудит на рассвете —
Я в бурку тебя заверну.
Нам путь самолеты уступят,
А летчики крикнут: «Салют!»
Туманы уйдут за уступы,
И тучи в моря уползут.
Прикажем мы дремлющим стаям

Петь лучшие песни свои.
Мы бурю унять заставим
Верховною властью любви.
А ночью, чтоб не заблудиться,
Погасшие звезды зажжем.
Ты глянешь – и вспыхнет зарница,
Вздохну я – покатится гром.
Под нами пути-перепутья,
Хребты, города, корабли,
И рыбы, и звери, и люди,
И милые звуки земли...
Пусть смотрят за нашим движеньем
Москва, и Эльбрус, и Цада,
Пускай твоих глаз отраженье
Качает в заливах вода.
Пусть все тебе будет подвластно:
Махнешь – и столица внизу,
Вздохнешь – и закружатся в пляске
Четыре аварских Койсу.
И лес, свои краски развесив,
Приветствовать будет тебя,
И птицы, кружа в поднебесье,
И туры, с обрывов трубя.
Запляшут в чащобах медведи
И мошки над сушью степей,
Завидев, как празднично светит
Им солнце улыбки твоей.
Летим же, любовь моя, высшей
Дорогой – мечты и орла,

И, если орлиных не сыщем,
Пусть мчат нас стальные крыла!

Постоянство («Мне было шестнадцать...»)

Перевод Я. Козловского

Мне было шестнадцать и двадцать – тебе,
Любви нас связало шаманство,
И я, покоряясь святой ворожке,
Поклялся хранить постоянство.

Мне стукнуло двадцать! Мы сверстники, и
Лесов зеленеет убранство.
И, двадцатилетней, тебе я в любви
Все так же храню постоянство.

Мне стукнуло тридцать. Летели года,
Порой проявляя тиранство,
Но, двадцатилетней, тебе, как всегда,
Я честно хранил постоянство.

Теперь мне за сорок. Но наперекор
Летам, что легли, как пространство,
Я, двадцатилетней, тебе до сих пор
Безумно храню постоянство.

Прости

Перевод Н. Гребнева

И без вины готов я повиниться
За то, что жизнь людская так пестра,
За то, что слезы на твоих ресницах
Блестят сейчас, как на моих вчера.

Мы по полям то скачем, то елозим,
Жизнь так непостоянна, и прости
За то, что конь тебя ударил оземь,
Как сбросил мой меня на полпути.

Часы, твердя, что день прошедший прожит,
Бьют на твоей и на моей стене,
И боль моя тебя кольнет, быть может,
И боль твоя доставит горе мне.

Есть губы, не целованные сроду,
Глаза, вовек не видевшие свет,
Но губ, что не дряхлеют год от году,
И глаз, не знавших слез, на свете нет.

Мы лето молим о дожде и громе,
Мы дождь клянем осеннею порой,
И могут нынче быть поминки в доме,

Где был вчера, быть может, пир горой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.